

Дом культуры 2

Без ценз. - 1997 - 3 апр. - 65.

ФОТО ИГОРЯ ИВАНДИКОВА. Концерт "ВМ".

Марк РОЗОВСКИЙ

МЫ
Занимались
Странным делом

На концертах он распевает **веселые песенки** и с мальчишеским озорством изображает гудок парохода. А в кабинете художественного руководителя театра **"У Никитских ворот"** я увидела немолодого усталого человека в очках, который подписывал какие-то бумаги и простуженно кашлял. Наша беседа неспешно текла под аккомпанемент **спектакля "Бедная Лиза"**, который в тот вечер шел на сцене его театра. Мы говорили о театре и актерам, о женщинах и любви, о пьесах и его новой книге. При этом с **Марком Розовским** происходили какие-то странные метаморфозы: прожитые годы будто слетали с него, как чешуйки, и таяли, подобно мартовским снежинкам. В конце беседы передо мной сидел молодой человек с ярко горящими глазами, тот самый, который распевает на сцене **бешабашные песенки** и комично изображает гудок парохода...

— **Марк Григорьевич, помните, два года назад вы мне сказали, что театр — дело веселое. Вам и сегодня удастся повеселиться?**

— Лично я испытываю великое наслаждение от работы в наше время. Во-первых, нет цензуры, во-вторых, нет цензуры и в-третьих, нет цензуры! — **И никаких проблем?**

— К сожалению, проблем хватает. С одной стороны, созданы условия для свободного творчества, но с другой — в новых условиях оказались смещены фундаментальные ценности человеческого существования: понятие о добре и зле, о грехе и ответственности за грех. Стала исчезать чистота в человеческих отношениях, многое решают деньги. В искусстве возникли фальшивые кумиры. Наши звезды развращены деньгами. Актер, который играет в драме за небольшие деньги, для меня в сто раз дороже, чем те, которые купили этот парад мнимости. К сожалению, те, кто пытается служить искусству скромно, но глубоко, оказываются вне серьезного анализа театралных критиков. Это признак нашего бескультурья, пустоты, неумения воспользоваться свободой как высшим проявлением духовных человеческих потенций. Взять, к примеру, театр "У Никитских ворот". Публика к нам ломится, висит на люстрах на наших премьерах. Только что мы сыграли 300-й "Гамбринус", он идет 10 сезонов, 300-й спектакль "Роман о девочках", к этой же цифре приближается спектакль "Бедная Лиза". Но "Роман о девочках" Владимира Высоцкого не имеет ни одной рецензии! У нас замечательная актерская труппа. Но когда про актеров спектакля "Песни нашего двора" пишут, что они "сносно поют", это и есть принижение.

— **Вы сказали, что публике к вам ломится. Кто ходит на спектакли в театр "У Никитских ворот"?**

— Сейчас наш зритель очень помолодел. Может, такой интерес связан с постановкой "Ромео и Джульетты". Но молодежь ходит и на "Дядю Ваню", и на премьерный спектакль по пьесе Ионеско "Жаба и голод", и на спектакль "Убивец" по Достоевскому. Когда я впервые увидел, что в зале сидит какая-то арбатская тусовка, я заволновался. Но потом обратил внимание, как замороженно они смотрят наши спектакли. Возможно, поначалу они "залетели" сюда случайно, но потом остались, потому что вдруг оказались в контакте с человеческой душой. Они были потрясены, стали приходить еще. Это поколение выросло больным, оно оказалось брошенным, а критика сделала все, чтобы молодежь не шла в театр. И в этой ситуации театр победил! Тогда я сказал себе: "Прекрасно, это победа, раз мы очаровали таких ребят!"

— **Вы работаете сорок лет работаете театральным режиссером. Что можете сказать об этой профессии?**

— Что делает режиссер? Он творит свой мир. Что такое

творец? Этим словом мы обозначаем самого Бога. Когда я творю, хочу я этого или нет, я становлюсь Богочеловеком. Я занимаюсь Божественным промыслом, я создаю мир, а зритель должен поверить в абсолютную подлинность выдуманного мной мира. Я занимаюсь соединением несоединимых вещей. Я играю людьми, светом, цветом, наконец, мыслью. Мы занимаемся странным, мимолетным, но вероятно конкретным делом. Что-то есть дьявольское в нашем увлечении игрой. Чем больше я этим занимаюсь, тем больше у меня возникает дрожь перед небесами.

— **Существует мнение, что вы пользуетесь успехом у женщин. Кто ваша прекрасная дама?**

— Не знаю, что там про меня говорят. Но раз уж говорят, значит, что-то есть. Мне кажется, что сфера интимного — это прелесть сфера человеческого жизни. Тайна психологии человека находится в сфере интимного. Чтобы создать какой-то психологический портрет на сцене, мы должны проникнуть в это тайное тайных. Если нам удастся проникнуть, то тогда глубина постижения человека вырастает. В этом суть профессии режиссера. Это потрясающе тонко делал Чехов, Феллини. Кто моя прекрасная дама? Не скажу. Об этом нельзя никому рассказывать.

— **Хорошо, тогда скажите: что для вас женщины?**

— Я окружен женщинами, они и в театре вокруг меня, и в зрительном зале. Они для меня часть природы. Женщины — это растения, которые приносят и радость, и боль. В женщинах я предпочитаю волевой характер — на самом деле я тряпка. Мне неинтересна женщина, которая едобрна траве. Мне нужен ее протест, энергетика, ее любовь и неистовость. Красота? Да! Но вся прелесть в том, что они почти все красивы, почти в каждой есть свой шарм, своя нежность, непохожесть, удивительная, зовущая к себе сила.

— **Недавно в Америке вышла ваша книга о пьесе Чехова "Дядя Ваня". Расскажите, пожалуйста, о ней.**

— Книга вышла в Нью-Йорке в издательстве "Слово" и посвящена памяти В.Я.Лакшина. Я имел смелость так написать, потому что Владимир Яковлевич буквально за несколько дней до смерти был в театре "У Никитских ворот" и смотрел спектакль "Дядя Ваня". На следующий день после просмотра на заседании чеховской комиссии Академии наук, председателем которой он был, Лакшин рассказал о своих впечатлениях о спектакле и предложил привлечь к работе над ежегодным сборником научных трудов о А.П.Чехове такого автора, как Марк Розовский. Через несколько дней он умер. На похоронах Алевтина Павловна Кузичева рассказала мне об этом желании Лакшина и пригласила меня участвовать в этой работе. В академический сборник вошло исследование первой части пьесы "Дядя Ваня". Я хотел показать, какой труд режиссера предшествует постановке

классической пьесы.

— **Я слышала, что в ближайшее время вы собираетесь ставить пьесу по произведению Башевиса Зингера.**

— Да, это так. Зингер — один из великих писателей XX века, который нам был неизвестен. Когда я прочитал в журнале "Урал" его повесть "Фокусник из Люблина", я понял, что хотел бы поставить спектакль по этой повести. Главный герой пьесы — грешник, который приходит к вере через испытания. Это талантливый фокусник, но пустой, растративший себя человек. Когда он осознает никчемность своего существования, он приходит к иудаизму, к пониманию ценностей, которые определяют его жизнь заново. Мне думается, что эта история о каждом из нас. В спектакле будут сногшибательные фокусы, нам их будет преподавать Рафаэль Спиталашвили. Декорацию к спектаклю создал Дмитрий Крымов. Но моя ближайшая премьера должна состояться в театре кукол Сергея Образцова.

— **Вот это сюрприз! Вы — и театр кукол!**

— Я об этом не рассказывал, но сейчас работа подходит к концу и можно приоткрыть завесу. Это пьеса по произведению Салтыкова-Щедрина "История одного города". Спектакль будет называться "Глупов-шоу". Надеюсь, это будет необычное для театра Образцова представление.

— **В заключение расскажите какую-нибудь забавную театральную историю.**

— Меня всю жизнь с кем-то путают. Раз в неделю меня называют Марк Анатольевич, а раз в две недели — Марк Захарович. Но самая смешная путаница случилась в брежневские времена. Меня пригласили в Челябинск проводить семинар творческой молодежи. По окончании семинара секретарь по пропаганде и агитации из обкома КПСС устроил в честь участников банкет. Он встал и произносит тост, в котором говорит, как он рад, что я приехал в их город, какие замечательные я проводил занятия, и все в таком духе. Опустив глаза, слушаю панегирик в свой адрес. Он продолжает: "Мы вас очень хорошо знаем! Ваши пьесы "104 страницы про любовь...", "Беседы с Сократом" с успехом идут на челябинской сцене..." Участники семинара усталились на меня — все поняли, что он меня спутал с Эдвардом Радзинским. Я им подмигиваю: мол, все в порядке. После таких теплых слов и в такой замечательной обстановке я не смог "разочаровать" специалистов по пропаганде и агитации. Мы чокнулись и выпили. Но на этом история не закончилась. На следующий день после приезда в Москву я встречаю Эзика Радзинского, рассказываю ему эту историю, он слушает и серьезно говорит мне: "Не переусаживайся, старик! Если бы ты знал, сколько раз меня за "Историю лошади" благодарили!"

Беседовала
Лариса ТОКАРЬ.